

Розділ 4.

БІОГРАФІСТИКА: ІСТОРІКО- ФІЛОСОФСЬКІ НАРИСИ

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1\(35\).246739](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1(35).246739)

УДК 001.891.34 + 167.5

Алексей Кислов

ЛОГИКА И ПОЭЗИЯ: СОПРИКОСНОВЕНИЕ ТВОРЧЕСКИХ МИРОВ Н. А. ВАСИЛЬЕВА НА ФОНЕ ЖИЗНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ¹

Сложность структуры и многообразие оттенков темы взаимоотношения научного и художественного творчества представлены в статье удивительной «судьбой идей» в рамках современной – неклассической (неаристотелевой) логики. Николай Александрович Васильев (1880–1940) был личностью разносторонней, но особого внимания заслуживают два аспекта его творчества – поэзия в духе откровенного символизма, которой он занимался в юности, и логические исследования, которые позволяют считать его одним из основателей неклассической логики. Несмотря на различие степени значимости поэтического и логического наследия Н. Васильева, легко заметить, что именно в поэзии впервые оформляются будущие логические идеи. Иномирье, воображаемые миры – характерная черта поэзии символизма. Творческая коллизия Н. Васильева заключается в том, что в его случае поэт предвосхищает логику. В статье «Логика и металогика» он заявляет, что классическая (аристотелева) логика не является единственной, что типы рассуждений, т. е. логические системы зависят от различных предпосылок, связанных с теми многообразными мирами, с теми различающимися реальностями, на которые накладываются рассуждения. Когнитивный конструкт, играющий роль «реальности», теряет статус инварианта для различных логик, он может варьироваться, что отнюдь не означает утраты единства оснований рациональности, напротив – это приобретение целого арсенала интеллектуального инструментария с богатыми возможностями построения множества рациональных интерпретаций. Жизнь Н. Васильева оказалась полна незавершенных проектов, неурядиц, из-за своей противоречивости она выглядит трагичной. Но именно опережающие своё время логические идеи, среди которых и идея возможности строго логически, а потому – непротиворечиво мыслить противоречивые миры, дали Н. Васильеву «прописку в вечности».

Ключевые слова: корреляция научного и художественного творчества, поэзия символизма, многообразие миров, воображаемая логика, металогика, неклассическая логика.

«Три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству...»

Михаил Бахтин «Искусство и ответственность» [Бахтин 1919: 3]

Сложность структуры и многообразие оттенков темы взаимоотношения научного и художественного творчества могут быть представлены удивительной «судьбой идей» в рамках современной – неклассической (неаристотелевой) логики.

1. Николай Александрович Васильев (1880–1940)² был личностью весьма разносторонней, он получил медицинское образование, затем закончил историко-филологический факультет Казанского университета, после стал профессором кафедры философии этого же университета, занимался философией, историей, психологией (в частности, А. Р. Лурия, известный специалист в этой области, давал самые восторженные отзывы о его лекциях). Но особого внимания заслуживают два аспекта его творчества: во-первых – литература, которой Н. А. Васильев занимался всю жизнь: переводы, критические статьи, а главное – поэзия; во-вторых – логические исследования, которые позволяют считать его одним из основателей неклассической логики.

Вряд ли многие специалисты литературоведы знакомы с единственным сборником стихов Н. Васильева со столь характерным названием – «Тоска по вечности» [Васильев 1904]. Поэтическое творчество его мягко характеризуют как неровное, местами наивное:

*И философия стремится
Мир как симфонию познать
В его гармонию излиться,
Его *andante* разгадать.*

(«В безумном переплетье нитей...»)

Хотя в рецензии на сборник самый весомый теоретик и практик символизма В. Я. Брюсов открыто признает автора «своим».

Судьба логических исследований Н. Васильева сложнее и драматичнее. Первая же статья 1910 г. («О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого» [Васильев 1989: 12–53]) обратила на себя внимание научной общественности. Основные, правда, весьма немногочисленные работы по логике (например, статья 1912 г. «Воображаемая (неаристотелева) логика» [Васильев 1989: 53–94]) публиковались во вполне солидных изданиях, самая программная статья «Логика и металогика» [Васильев 1989: 94–123] даже в международном

двухязычном журнале «Логос» (1912–1913). Но в силу целого ряда обстоятельств – откровенная авангардность идей, отсутствие переводов на европейские языки, социальные катаклизмы и др. – ситуация сложилась таким образом, что и сейчас можно смело говорить лишь о начале осмысления логических идей Н. Васильева. И потому в обществе людей, получивших философское или математическое образование, фигура Н. Васильева по-прежнему остаётся, пожалуй, не более известной, чем среди литературоведов. Только в среде профессионально занимающихся современной логикой о нём уже говорят как о «звезде первой величины в логической мысли человечества» [Бажанов 1995: 10], ставя его имя в один ряд с именами Аристотеля, Г. Фреге, Л. Витгенштейна и др.

2. Несмотря на различие степени значимости поэтического и логического наследия Н. Васильева, легко заметить, что именно в поэзии впервые оформляются будущие логические идеи. Дело в том, что в стихах из его «Тоски по вечности» буквально рефреном звучит тема иных миров:

*Есть мир иной, мир беспечальный
Где всё – единство без конца,
Где каждый атом, близкий, дальний
Лишь части одного кольца.
Там волк покоится с овцою,
С невинной жертвою – палач,
Там смех смешался со слезою,
Затихнул жизни скорбный плач.*
(«Есть мир иной...»)

* * *

*Мне грезится безвестная планета,
Где всё идет иначе, чем у нас...
(«Нет прошлого»)*

Иномирье, воображаемые миры и миры грёз – характерная черта поэзии символизма. «Символизм видит духовную действительность за этой видимой действительностью. Символ есть связь между двумя мирами, знак иного мира в этом мире. Символисты верили, что есть иной мир», – утверждал Н. А. Бердяев, а далее делал замечание: «Поэзия символистов выходила за пределы искусства...» [Бердяев 2008: 273–274], которое достаточно точно характеризует творческую коллизию Н. Васильева – когда

поэт превосхищает логика. Только в этом случае следует воздержаться даже от малейшего прельщения доморощенным мистицизмом и скороспелой софиологией, от превратно понимаемых идей космизма и уж тем более от базирующихся на всём этом дурных версий националистического или государственнического профетизма. Всё здесь, к счастью, очевиднее, спокойнее и, в определенном смысле, проще: «Зёрна символистской темы других миров упали на благодатную почву – поэт, писавший о воображаемых мирах и стремившийся средствами искусства представить их строение, продолжает свои размышления на логическом языке» [Бажанов 1989: 215], – именно такой эвристический и даже протосемантический статус приобретает у Н. Васильева привычная для поэзии символизма тема сосуществования миров.

Сам же Н. Васильев откровенно проводит эвристико-методологическую параллель между своими исследованиями в логике и результатами, полученными Н. Лобачевским в геометрии³. Он заявляет, что классическая (аристотелева) логика с её законами тождества, исключённого третьего и непротиворечия не является единственной, что типы рассуждений, т. е. логические системы зависят от различных предпосылок, связанных с теми мирами, с теми реальностями, на которые накладываются рассуждения. Такова ключевая – онтологическая и когнитивная одновременно – идея его итоговой статьи «Логика и металогика». В качестве же предварительного обоснования своей идеи он заранее, ещё в статье «Воображаемая (неаристотелева) логика» последовательно разрабатывает логическую систему без закона непротиворечия, сейчас этот класс логик называют, паранепротиворечивыми (параконсистентными, инконсистентными) логиками⁴. В аристотелевой логике отрицательное высказывание (суждение) по существу является уже сложным высказыванием (высказыванием о высказывании) и совпадает с констатацией ложности элементарного утвердительного высказывания. В «воображаемой логике» отрицательное высказывание элементарно, носит самостоятельный характер и не совпадает с констатацией ложности утвердительного высказывания. Такая логика относится к миру, допускающему возможность когнитивному агенту автономно получать знание наличия или отсутствия некоторого свойства у некоторого предмета. Построение «воображаемой логики» для Н. Васильева лишь этап на пути к анализу возможностей общего построения неклассических логик, которые содержат различные законы, но, тем не менее, оставляют за собой право считаться логиками. Н. Васильев искал стержень этого права, именно его он называл «металогикой»⁵.

Надеждам на серьёзное освоение становящейся в то время математической логики, на глубокую проработку своих оригинальных

металогических идей не суждено было сбыться. Страна пережила войну, революцию и претерпевала гражданское противостояние, семья полностью распалась, а серьёзная болезнь заставила Н. Васильева прекратить активную научную работу в 1923 году. Его жизненный мир уже был в значительной мере разрушен, но ушёл из жизни он только через 17 лет, успевая в редкие и короткие периоды ремиссии всё же продолжать заниматься преподаванием и переводами.

3. Итак, тема сосуществования различных миров оказалась характерной не только для художественного творчества, в частности – для поэзии символистов, она получила своё развитие и в современных логико-семантических исследованиях, причём, не только напрямую связанных с идеями Н. Васильева. «Мировая» тематика в логической семантике – при всём многообразии подходов и всех особенностях интерпретаций – встречается довольно часто: здесь и мир «Трактата» Л. Витгенштейна; и конечно же наиболее популярная семантика возможных миров – реляционная (в духе С. Крипке) и окрестностная; и, как представляется, легко поддающиеся в определённом смысле родственной «мировой» трактовке ситуационная и теоретико-игровая семантики современных логик. Это богатство логических семантик позволяет получать различные, порой даже конкурирующие между собой, но в любом случае – адекватные интерпретации целых классов неклассических логик: в нашем случае, прежде всего – паранепротиворечивых, уже указанных ранее, и двойственных им – парapolных (без закона исключённого третьего) логик, составляющих вместе объединённый класс «паралогик» (разумеется, в логико-семантическом смысле). Благодаря этим интерпретациям становится понятным, что предпосылки классической логики и их методологические следствия – квази-конечность элементов предметной области и класса признаков этих предметов, обязательное наличие разрешающих процедур, непротиворечивость и полнота, логическое всеведение (когда агент рассуждения, зная все посылки и все правила рассуждения, должен как бы «автоматически» знать и все следствия из этих посылок) и т. д. – составляют набор слишком уж сильных, ригористических допущений, далеко не всегда «подходящих для простых смертных» [Да Коста 1991] агентов рассуждений. Когнитивный конструкт, играющий роль «реальности», теряет статус инварианта для различных логик, он может варьироваться и довольно сильно, что отнюдь не означает утраты единства оснований рациональности, скорее – это приобретение целого арсенала интеллектуального инструментария [Данн 2018] с богатыми возможностями построения множества рациональных интерпретаций. В данной связи проблематичны и потому интересны следующие

последовательные метатеоретические положения: взаимоотношения предпосылок – онтологического (предметы, ситуации, миры и т. д.) и гносеологического (агенты, способы приписывания значений, логические процедуры и т. д.) характера – целых классов логических систем генерируют определённую типологию «нетрадиционных реальностей»; осуществима возможность взаимоинтерпретаций различных логических систем.

4. Мистические и фантастические миры, реальности мифов, сказок, фантазий, мечтаний, снов, воспоминаний, ветвящиеся прошлое и будущее, теряющая целостность «жизненных миров» повседневность – удивительным образом переплетаются в моментах различий и совпадений, в неуспокоенном поиске взаимного объяснения и понимания. Поэтическому осмыслению феномена окказиональности индивидуального творчества И. Бродский находит следующее выражение:

*Так творятся миры,
Так, сотворив их, часто
оставляют вращаться,
расточая дары.
(«Я был только тем...»)*

С поэтическим, литературным и вообще художественным творчеством вопросов здесь обычно не возникает, этот вид творчества признаётся, пожалуй, самым очевидным, ярким и открытым полем для интерпретационной деятельности. С одной стороны, поскольку «творчество человек уходит на время из “житейского волнения” как в другой мир “вдохновенья, звуков сладких и молитв”» [Бахтин 1919: 3], знакомы, но вряд ли безусловно справедливы мотивы обвинения искусства в бесплодности и бесполезности, с другой, оно дарит нам бесценный эмоциональный и всегда глубоко личный опыт проживания в различных реальностях, в различных мирах. Но ведь и в логической, шире – аналитической традиции мы легко находим соответствующие «миро-творческие» мотивы: как в далёкой от рефлексий над особенностями художественных дискурсов работе Р. Карнапа «Логическое построение мира» (“Der logische Aufbau der Welt”, 1928) [Carnap 1966], так и в совершенно иной по замыслу и воплощению, максимально близкой к тематике традиционно понимаемой философии искусства работе Н. Гудмена «Способы создания миров» (“Ways of Worldmaking”, 1978) [Гудмен 2001].

Обыденное («житейское») представление о логике привычно сопровождает требование целостной, надёжной непротиворечивости. Неклассическая логика, и в немалой степени именно благодаря идеям Н. Васильева, стала и терпеливее, и внимательнее к различным по своей

семантической природе противоречиям. Расколовшийся, треснувший и потому нецелостный мир человека воспринимается как трагедия его жизни⁶, и, разумеется, нет у паранепротиворечивой логики или у интенциональной семантики «невозможных» возможных миров прямой задачи как-то оправдывать, например, столь неоднозначно прочитываемые теперь строки, вынесенные, кому-то покажется – что непредусмотрительно и даже безответственно по отношению к собственной судьбе, совсем молодым ещё автором на обложку своего единственного сборника стихов, своей «Тоски по вечности»:

*Для ярких оттенков тоски и тревоги
В трагедии радость нужна.*

Но ведь именно опережающие несколько «своё время», несвоевременные тогда, зато современные нынче логические идеи, среди которых и идея возможности строго логически, отнюдь не в гегелевском (диалектическом) смысле, а потому – непротиворечиво мыслить противоречивые миры, дали Н. Васильеву «прописку в вечности». Эти идеи он выразил как-то легко, кажется, что случайно и мимоходом. Да, глубокого логико-семантического построения, характерного для систем математической логики, не случилось; да, очевидным образом послужил имевшийся уже опыт осмысления и признания научным сообществом «воображаемой» геометрии Лобачевского; да, многие (особенно в работе «Логика и металогика») пассажи объяснений того, как иной агент в ином мире воспринимает реальность и рассуждает о ней, смыкаются с интересом Н. Васильева к тому, что сейчас называют когнитивной психологией. Тем интереснее наблюдать – насколько плодотворны оказались эти идеи, насколько широк и ничем не ограничен их эвристический (творческий) потенциал для современных областей логической семантики, когнитивных исследований и практики проектирования интеллектуальных систем. Именно так «расточают дары» любого, в том числе и научного творчества.

Примечания

¹ Данный текст развивает и несколько уточняет наши давние размышления, содержащиеся в [Кислов 1998].

² Сын Александра Васильевича Васильева, математика, профессора Казанского и Санкт-Петербургского университетов, автора первой научной биографии Н. И. Лобачевского [Васильев 1992].

³ Однако, встречающийся (откровенно говоря, всё реже) непосредственный, прямой параллелизм неклассических («воображаемых») геометрии и логики – ошибочен.

⁴ Впрочем, логическое наследие Н. Васильева не следует «сжимать» до

идеи паранепротиворечивых логик. Его идеи, реализуемые, например, в форме многомерных [Смирнов 1993] и комбинированных [Смирнов 1989] логик, намного глубже в философском и семантическом планах.

⁵ Приведём здесь уместную и весьма красноречивую цитату Я. Лукасевича: «... сколько бы я ни занимался даже мельчайшей логической проблемой, ... всякий раз меня не покидает чувство, что я нахожусь рядом с какой-то мощной, неслыханно плотной и неизмеримо устойчивой конструкцией. Эта конструкция действует на меня как некий конкретный осязаемый предмет, сделанный из самого твердого материала ... Ничего я в ней изменить не могу, ничего сам произвольно не создаю, но изнурительным трудом открываю в ней всё новые подробности, достигая непоколебимых и вечных истин. Где и чем является эта идеальная конструкция? Верующий философ сказал бы, что она в Боге и является Его мыслью» [Лукасевич 1999: 232], – слова которой наполнены глубоким смыслом, но они не относятся ни к одной из осуществимых систем логики, они в значительной мере, только без очарования религиозно-мистических аллюзий, относятся и к «металогике» в васьильевском понимании.

⁶ Сколь характерно название книги В. А. Бажанова [Бажанов 1995], обнаружившего и сохранившего «казанские архивы», которые позволили реконструировать творческую биографию Н. А. Васильева.

Список использованной литературы

- Бажанов, В. А. (1989) *Николай Александрович Васильев: жизнь и творчество*, в: *Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды*, Москва: Наука, сс. 209–228.
- Бажанов, В. А. (1995) *Прерванный полёт. История «университетской» философии и логики в России*, Москва: Изд-во МГУ, 107 с.
- Бахтин, М. М. (1919) *Искусство и ответственность*, в: *Альманах «День искусства»*, Невель, сс. 3–4.
- Бердяев, Н. А. (2008) *Русская идея*, Санкт-Петербург: Азбука-классика, 318 с.
- Васильев, А. В. (1992) *Николай Иванович Лобачевский, 1792–1856*, Москва: Наука, 229 с.
- Васильев, Н. А. (1989) *Воображаемая логика. Избранные труды*, Москва: Наука, 264 с.
- Васильев, Н. А. (1904) *Тоска по вечности. Стихотворения*, Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 155 с.
- Гудмен, Н. (2001) *Способы создания миров*, в: *Гудмен, Н. Способы создания миров*, Москва: Идея-Пресс, Логос, Праксис, сс. 115–256.
- Да Коста, Н., Френч, С. (1991) *Непротиворечивость, всеведение и истина*

(или попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов), в: *Философские науки*, 1991, № 8, сс. 51–68.

- Дан, Дж. М. (2018) *Люди – это разумные орудия труда создающие животные*, в: *Современная логика: основания, предмет и перспективы развития*, Москва: ИД «ФОРУМ», сс. 128–160.
- Кислов, А. Г. (1998) *Н. А. Васильев – поэт и логик. Логик и поэт*, в: *Русская литература первой трети XX века в контексте мировой культуры: Материалы I Международной летней филологической школы*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, сс. 229–232.
- Лукасевич, Я. (1999) *В защиту логики*, в: *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*, Москва: Изд-во «РОССПЭН», сс. 219–232.
- Смирнов, В. А. (1989) *Утверждение и предикация. Комбинированные исчисления высказываний и событий*, в: *Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик*, Москва: Наука, сс. 27–35.
- Смирнов, В. А. (1993) *Многомерные логики*, в: *Логические исследования*. Вып. 2, Москва: Наука, сс. 259–278.
- Карнап, Р. (1966) *Der logische Aufbau der Welt*, Hamburg: Felix Meiner Verlag, 290 p. (перевод фрагментов в: Карнап, Р. (2007) *Логическое построение мира (фрагменты)*, в: *Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное*, Москва: Издательский дом «Территория будущего», Идея-Пресс, сс. 75–91).

Алексей Кислов

ЛОГІКА І ПОЕЗІЯ: СТИКАННЯ ТВОРЧИХ МИРОВ Н. А. ВАСИЛЬЄВА НА ТЛІ ЖИТТЄВИХ ОБСТАВИН

Складність структури і різноманіття відтінків теми взаємини наукової і художньої творчості представлені в статті дивовижною «долею ідей» в рамках сучасної – некласичної (неарістотелевої) логіки. Микола Олександрович Васильєв (1880–1940) був особистістю різнобічної, але на особливу увагу заслуговують два аспекти його творчості – поезія в дусі відвертого символізму, якою він займався в юності, і логічні дослідження, які дозволяють вважати його одним із засновників некласичної логіки. Незважаючи на відмінність ступенем значущості поетичного і логічного спадщини Н. Васильєва, легко помітити, що саме в поезії вперше оформляються майбутні логічні ідеї. Іномір'є, уявні світи – характерна риса поезії символізму. Творча колізія Н. Васильєва полягає в тому, що в його випадку поет передбачає логіка. У статті «Логіка і металогіка» він заявляє, що класична (аристотелева) логіка не є єдиною,

що типи роздумів і міркувань, тобто логічні системи залежать від різних передумов, пов'язаних з тими різноманітними світами, з тими розрізняються реальностями, на які накладаються міркування. Когнітивний конструкт, який грає роль «реальності», втрачає статус інваріанта для різних логік, він може варіюватися, що аж ніяк не означає втрати єдності підстав раціональності, навпаки – це придбання цілого арсеналу інтелектуального інструментарію з багатьма можливостями побудови безлічі раціональних інтерпретацій. Життя Н. Васильєва виявилася повна незавершених проєктів, негараздів, через свою суперечливість вона виглядає трагічною. Але саме випереджають свій час логічні ідеї, серед яких і ідея можливості строго логічно, а тому – несуперечливо мислити суперечливі світи, дали Н. Васильєва «пропуску в вічності».

Ключові слова: кореляція наукової і художньої творчості, поезія символізму, різноманіття світів, уявна логіка, некласична логіка.

Alexey Kislov

LOGIC AND POETRY: THE CONTIGUITY OF THE CREATIVE WORLDS OF N. A. VASILIEV IN THE BACKGROUND OF LIFE CIRCUMSTANCES

The complexity of the structure and the varieties of the shades of the theme of the relationship between scientific and artistic creativity presented by us in the article the amazing “destiny of ideas” within the framework of modern – non-classical (non-aristotelian) logic. Nikolai Alexandrovich Vasiliev (1880-1940) was a versatile personality, but two aspects of his work deserve special attention – the poetry in the style of symbolism, which he was engaged in his youth, and the logical studies that allow him to be considered one of the founders of non-classical logic. Despite the difference in the degree of significance of the N. Vasiliev’s poetic and logical heritage, it is easy to see that it is in the poetry that the future logical ideas are first formed. The otherworld, the imaginary worlds are a characteristic feature of the poetry of symbolism. The creative collision of N. Vasiliev lies in the fact that in his case the poet anticipates logician. In the article “Logic and Metalogic” he declares that the classical (aristotelian) logic is not the only one, that the types of reasoning and argumentation, that is, the logical systems depend on the different preconditions. These preconditions are associated with those diverse worlds, with those different realities on which the reasoning is superimposed. The cognitive construct playing the role of “reality” loses its the status of the invariant for various logics, it can vary, which does not mean the loss of the unity of the foundations of rationality, on the contrary, it is the acquisition of the arsenal of the intellectual tools with rich possibilities for constructing a

variety of rational interpretations. The life of N. Vasiliev turned out to be full of the unfinished projects, the troubles, because of its inconsistency, it looks tragic. But it was the logical ideas ahead of their time, among which the idea of the possibility strictly logically, and therefore non-contradictory to think contradictory worlds, gave N. Vasiliev the “registrate in eternity”.

Keywords: correlation of scientific and artistic creativity, poetry of symbolism, varieties of worlds, imaginary logic, metalogic, non-classical logic.

References

- Bazhanov, V. A. (1989) *Nikolaj Aleksandrovich Vasiliev: zizn i tvorchestvo* [Nikolai Alexandrovich Vasiliev: life and work], v: *Vasiliev N. A. Vobrazhaemaya logika. Izbrannye trudy*, Moskva, Nauka, pp. 209–228.
- Bazhanov, V. A. (1995) *Prervannyj polyot. Istoriya «universitetskoj» filosofii i logiki v Rossii* [Aborted flight. History of “university” philosophy and logic in Russia], Moskva, Izd-vo MGU, 107 p.
- Bakhtin, M. M. (1919) *Iskusstvo i otvetstvennost'* [Art and responsibility], in: *Almanah «Den iskusstva»*, Nevel, pp. 3–4.
- Berdyayev, N. A. (2008) *Russkaya ideya* [Russian idea], Sankt-Peterburg, Azbuka-klassika, 318 p.
- Vasiliev, A. V. (1992) *Nikolaj Ivanovich Lobachevskij, 1792–1856* [Nikolay Ivanovich Lobachevsky, 1792-1856], Moskva, Nauka, 229 p.
- Vasiliev, N. A. (1989) *Vobrazhaemaya logika. Izbrannye trudy* [Imaginary logic. Selected Works], Moskva, Nauka, 264 p.
- Vasiliev, N. A. (1904) *Toska po vechnosti. Stihotvoreniya* [Longing for eternity. Poems], Kazan, Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova, 155 p.
- Gudmen, N. (2001) *Sposoby sozdaniya mirov* [Ways of worldmaking], in: *Gudmen, N. Sposoby sozdaniya mirov*, Moskva, Ideya-Press, Logos, Praxis, pp. 115–256.
- Da Kosta, N., French, S. (1991) *Neprotivorechivost, vsevedenie i istina (ili popytka skonstruirovain skhemu dlya rassuzhdenij, skoree podhodyashchih dlya prostyh smertnyh, chem dlya angelov)* [Consistency, omniscience and truth (or an attempt to construct a framework for reasoning more suited to mere mortals than angels)], v: *Filosofskie nauki*, Moskva, 1991, ¹ 8, pp. 51–68.
- Dan, Dzh. M. (2018) *Lyudi – eto razumnye orudiya truda sozdayushchie zhivotnye* [Humans are rational tool making animals], in: *Sovremennaya logika: osnovaniya, predmet i perspektivy razvitiya*, Moskva, ID «FORUM», pp. 128–160.
- Kislov, A. G. (1998) *N. A. Vasiliev – poet i logik. Logik i poet* [N. A. Vasiliev is a poet and logician. Logic and poet], in: *Russkaya literatura pervoj treti*

- XX veka v kontekste mirovoj kultury: Materialy I Mezhdunarodnoj letnej filologicheskoy shkoly*, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 229–232.
- Lukasevich, Ya. (1999) *V zashchitu logistiki* [In defense of logistics], in: *Filosofiya i logika Lvovsko-Varshavskoj shkoly*, Moskva, Izd-vo «ROSSPEN», pp. 219–232.
- Smirnov, V. A. (1989) *Utverzhdenie i predikaciya. Kombinirovannye ischisleniya vyskazyvanij i sobytij* [Assertion and predication. Combined propositional and event calculus], in: *Sintaksicheskie i semanticheskie issledovaniya neekstensionalnih logik*, Moskva, Nauka, pp. 27–35.
- Smirnov, V. A. (1993) *Mnogomernye logiki* [Multidimensional logics], in: *Logicheskie issledovaniya*, vyp. 2, Moskva, Nauka, pp. 259–278.
- Carnap, R. (1966) *Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 290 p. (the translation of fragments into: Karnap, R. (2007) *Logicheskoe postroenie mira (fragmenty)* [Logical construction of the world (fragments)], in: *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. Izbrannoe, Moskva, Izdatelskij dom «Territoriya budushchego», Ideya-Press, pp. 75–91).

Стаття надійшла до редакції 13.04.2021
Стаття прийнята 12.05.2021

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1\(35\).246740](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1(35).246740)

УДК 130,2 930.85

Сергей Троицкий, Анна Троицкая

М. Ф. ФРЕЙДЕНБЕРГ И ЕГО СЕМЬЯ:

ОДЕССКИЙ СЛЕД В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Исследовательские традиции, сложившиеся в отношении определенных явлений культуры, часто ограничены рамками национальных культур, спецификой изучаемой персоналии и ее творческой деятельности. При этом культурные и социальные запросы, лежащие в основе этих исследований, фактически не подразумевают конвертацию выявленных культурных ценностей из одной национальной (культурной) традиции в другую. Так, однозначному определению культурной идентичности вряд ли поддаются представители пограничных территорий, а также территорий, которые обладали фактической экстерриториальностью, свободой в выборе культурной идентификации, как, например, Одесса. Здесь маргинальность зоны культурного пограничья создавала свой уникальный культурный топос, со своей «смешанной» идентичностью, для которой территориальная, этническая, культурная и языковая границы не были абсолютными, были подвижными, создавали условия для формирования, казалось бы, противоречивых представлений о «восточном западе», об «имперской еврейскости», «еврейской русскости» и т.п. Для еврея-одессита большое значение играли собственно-национальная (еврейская) или имперская (русская) составляющая. Внутренние противоречия, имеющиеся в этих идентификационных моделях, либо решались в пользу одной из моделей, либо снимались благодаря локальной идентификационной модели, которую предоставляло ближайшее окружение, названное нами средой. В статье мы хотели бы показать это средовое влияние через личность Михаила Филипповича Фрейденаберга, который известен историкам науки и техники как изобретатель, но мало известен литературоведам (в основном, как отец Ольги Михайловны Фрейденаберг и дядя Бориса Леонидовича Пастернака). На наш взгляд, внимания заслуживает описание художественных и публицистических, а также сатирических сочинений М. Ф. Фрейденберга. С его именем интеллектуальная среда Одессы конца XIX века приобретает целостный облик, вместе с тем обнажая проблему «интеллектуальной тесноты» имперской провинции. Феномен среды концептуализируется на примере семьи М. Ф. Фрейденберга и отношений с родственниками, а также на описании влияния среды на русскую культуру конца XIX – первой половины XX века через становление личностей О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернака.